

Великий голод в Казахстане

XX век принес миру огромные потрясения. 1917 год определил границу в массовом сознании, за которой остались привычный порядок жизни, традиции поведения, мышления, образа жизни. Начало XX века стало переломным этапом и в жизни казахского народа. Долгое время казахстанцы, отечественная историческая наука не имели права говорить о страшном голоде 1928–1932 годов. В целом голодных лет в истории советского государства было немало – тяжелые годы в период гражданской войны, голод 1921–1922 годов, унесший жизни многих казахстанцев. Небывалый голод был и в период с 1945 по 1949 год. Несмотря на бравурные отчеты, дефицит основных продуктов питания и одежды был характерен для всех лет советской власти. Но особенно тяжелый голод, названный в западной литературе Великим голодом, разразился в конце 20-х и начале 30-х годов XX века.

Только политика обновления, объявленная в середине 80-х годов, позволила открыть завесу тайны над страшной катастрофой 30-х. Однако в полной мере историческая наука Казахстана получила возможность раскрыть данную тему только в период независимости. Первый Президент страны – Лидер нации Н. А. Назарбаев в выступлении на I сессии Ассамблеи народа Казахстана 24 марта 1995 года «За мир и согласие в нашем общем доме» дал очень емкую и объективную оценку тех лет, отметив: «...Вся советская история сопровождалась многочисленными нарушениями прав народов и фактами прямого геноцида. Это голод 1920–1930 годов, когда погибли миллионы граждан. Численность казахов сократилась почти наполовину, русский и другие народы потеряли миллионы честных тружеников, образованных и предприимчивых людей. Был подорван генофонд многих наций...»

Курс на коллективизацию

Ключевым событием в проведении курса коллективизации в Казахстане стало создание 5 августа 1928 года комиссии для организации и руководства кампанией. В отличие от других районов РСФСР политика коллективизации

в Казахстане имела ряд существенных различий. Во-первых, она стала проводиться параллельно с так называемой политикой «оседания», последствия которой нанесли огромный удар по традиционным формам ведения хозяйства местного населения.

В 1920–1930 годы преобладали военно-административные методы управления. Основным

инструментом экономической политики правительства была продовольственная разверстка – реквизиция излишков сельскохозяйственного производства для нужд армии и пролетарского населения городов. Продразверстка представляла один из компонентов политики «военного коммунизма», устоявшихся в годы войны и построенных на разделительном принципе. Игнорирование естественных законов развития экономики и безудержное администрирование из центра привели народное хозяйство Казахстана к глубинной деформации.

Во-вторых, Ф. Голощекин считал необходимым проведение курса «Малого Октября» и, соответственно, разжигание классового антагонизма. Во многом подобные чрезвычайные меры задевали национальные чувства местного населения. Однако власти вместо пересмотра своих ошибочных решений продолжили силовое давление на крестьян. Переломным моментом в проведении курса коллективизации стал апрельский пленум ЦК ВКП (б) 1929 года, на котором все трудности коллективизации были переложены на крестьян. Активными противниками проведения подобного курса были объявлены, безо всяких на то причин, «феодално-кулацкие» элементы и представители давно распущенных альтернативных партий и движений: Алашорды, эсеров и т. д.

В начале января 1930 года выходит постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Начиная с этого времени Казахстан становится одним из главных плацдармов кампании, где коллективизацию предполагалось закончить к 1932 году (за исключением кочевых и полукочевых районов). В решениях Казкрайкома ВКП (б) указывалось, что наряду с земледельческими хозяйствами необходимо провести «коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству».

При этом в животноводческих колхозах меры по обобществлению намного превысили показатели по зерновым районам. В результате к февралю 1932 года в Казахстане 87% хозяйств колхозников и 51,8% единоличников полностью лишились скота. Аграрный сектор республики адекватно отреагировал на перегибы и ошибки повсеместным упадком сельскохозяйственного производства.

Как подчеркивается в постановлении комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан: «Беспрецедентный урон понесло животноводство. Динамика случившейся здесь катастрофы выглядела следующим образом. В 1928 году в республике насчитывалось 6 509 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1932-м всего 945 тыс. Даже накануне войны, в 1941 году, доколхозный уровень не был восстановлен (3 335 тыс. голов). Еще больше поражают цифры по мелкому скоту: из 18 566 тыс. овец в 1932 году осталось только 1 386 тыс. (перед самой войной численность стада приблизилась к 8 млн. голов). Из конского поголовья, определявшегося на 1928 год в размере 3 516 тыс., фактически выбыло 3 200 тыс. (в 1941 г. – 885 тыс. голов). Практически перестала существовать такая традиционная

для края отрасль, как верблюдоводство: к 1935 году осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928-м их насчитывалось 1 042 тыс. голов.

Чрезвычайный характер коллективизации с особой силой проявляется в тех мерах, которые разворачивались в рамках реализации государственного курса на ликвидацию кулачества и байства. В директивах, доведенных до местных органов, указывалось, что удельный вес ликвидируемых кулацких дворов по отношению к общей массе хозяйств не должен превышать 3–5%. Но во многих районах подобного количества кулаков никак не набиралось. Поэтому численность раскулаченных почти всегда и везде «подтягивалась» до самого верхнего предела. А нередко план «по валу» выполнялся настолько усердно, что фактически в два, а то и в три раза превышал субъективно установленный контингент».

Для расправы с несогласными были специально созданы внесудебные органы. Как было отмечено в постановлении Верховного Совета Республики, только с 1929 по 1933 год «тройками» было рассмотрено 9 805 дел и принято решений в отношении 22 933 лиц, из них к высшей мере наказания – расстрелу – приговорены 3 386 человек, заключению в лагерях от 3 до 10 лет – 13 151 человек. Для форсированных темпов коллективизации партийные комитеты с помощью молодежных организаций и средств массовой информации шельмовали несогласных или же использовали грубые формы принуждения, такие как домашние аресты или заключение в подвале.

7 августа 1932 года был издан Закон «Об охране социалистической собственности», получивший в народе название «закон о пяти колосках». За расхищение колхозной собственности, в том числе за тайный обмолот колосьев в поле, полагались крайние меры, вплоть до расстрела.

В эти же годы власти намеренно раздували антирелигиозную, атеистическую пропаганду. За короткие сроки в республике была разрушена значительная часть мечетей, молитвенных домов и церквей. Так называемая антирелигиозная кампания, проведенная жестоко, не достигла своей цели, а, наоборот, усилила религиозные настроения жителей края.

Голод и массовые откочевки

Вследствие тех шагов по коллективизации, которые проводила Коммунистическая партия, во многих районах страны разразился страшный голод. Доведенные до отчаяния крестьяне были вынуждены покинуть родные

места и перебираться в города, скапливались у железнодорожных станций. Тысячи и тысячи голодных людей заполнили города, о чем систематически сообщали сами же руководители партийных комитетов. Страну захлестнули эпидемии различных болезней.

Недовольство крестьян и в целом широких слоев населения

привело к вооруженным выступлениям или к откочевкам за пределы республики. По подсчетам ученых, в 1929–1931 годах в Казахстане имели место 372 восстания, в которых участвовало более 80 тыс. человек. Особо трагичную известность получили крестьянские выступления в Сузакском, Иргизском, Абралинском, Мангистауском, Шемонаихинском, Самарском и других районах. Во время волнений крестьяне захватывали сельские советы, избивали представителей власти, сжигали документы.

Для подавления крестьянских волнений власти, кроме демагогических обещаний, широко использовали милицейские отряды и регулярные воинские части. Так, например, в Мангистауской области для этих целей были привлечены силы Каспийской флотилии.

За участие в крупных восстаниях и волнениях в 1929–1931 годах только органами ОГПУ был осужден 5 551 человек, из которых 883 расстреляны. Тысячи и тысячи семей как «кулацкие элементы» были высланы за пределы республики. По статистике, около полутора миллиона человек откочевали за пределы республики. Степь опустела.

Одновременно на опустевшие места переселялись раскулаченные крестьяне из центральных областей России, Украины и Беларуси.

Голод, эпидемии и карательные рейды милиции и армии привели к колоссальным человеческим жертвам. В эти годы значительно сократилась численность населения республики. Так, например, численность казахов по республике в 1926 году составляла 3 628 000 человек. Следующая перепись 1939 года показала, что за эти годы народ потерял 1 млн. 300 тыс. человек, то есть около 36% своего состава. Уменьшение численности произошло и среди других народов, населявших Казахстан. Но особенно ощутимы были потери среди коренного населения.

Партийные комитеты запретили всякое упоминание о голоде. Более того, массовая пропаганда демагогически заявляла о крупных успехах политики коллективизации. Вожди ВКП (б) считали, что всякое упоминание о голоде подрывает престиж партии, и не позволяли различным благотворительным организациям оказывать помощь умирающим от голода.

Следует подчеркнуть, что заверения руководителей Казахстана о том, что голод в республике, достигший катастрофического размаха в 1932–1933 годы, уже «ликвидирован», а откочевки прекратились, не соответствовали действительности. Голодные годы продолжались примерно до 1938–1939 годов – до получения нового урожая и установления спокойствия в степи. Часть казахов, перекочевавших в Россию, вернулись на родину примерно в этот период.

К 1933 году партийные верхи наконец осознали, что политика коллективизации провалилась. Во-первых, вместо дееспособных и мощных колхозов страна получила слабые, еле работающие и маломощные ячейки. В целом же колхозы в период 30–40-х годов не смогли стать той системой, которая должна была накормить народ, превратившись при этом в хозяйственные ячейки, опутанные советской бюрократией. Колхозы, которые строила советская власть, оказались экономически нерентабельными. Более

того, за все годы существования советской власти колхозы так и не смогли обеспечить население продуктами. Иначе зачем в 1982 году советское правительство и Коммунистическая партия все еще принимали продовольственную программу и пытались «переворужить» сельское хозяйство? Во-вторых, из широкой массы крестьян исчезли наиболее энергичные и сильные хозяйственники. Под видом борьбы с кулачеством они были истреблены и уничтожены как класс. Срочное уменьшение хлебозаготовок не смогло спасти деревню: миллионы людей погибли от голода и эпидемий, миллионы вынуждены были бежать за пределы родины. В целях удержания людей на селе власти пошли даже на такие шаги, как создание заградительных отрядов. Сельским жителям билеты на поезда продавались по списку, их лишали паспортов...

Сталин и его окружение типа Ф.Голощекина так и не признали своих ошибок. Они остались бесчувственными. Более того, вся вина была переложена на самих крестьян и на альтернативные партии, давно прекратившие свое существование. По СССР и по Казахстану в частности прокатилась волна арестов и преследований как самих сельских жителей, так и представителей интеллигенции. Они скоро были объявлены «врагами народа», «националистами» и отправлены в лагеря. И словно в насмешку вновь образованные колхозы получили имена И.Сталина, В.Молотова, Л.Кагановича, С.Кирова, М.Калинина и т. д.

Напрасные жертвы

Такова была политика властей, отвергавших не только тысячелетнюю культуру кочевников, но и не желавших считаться с выводами науки. Миллионы людей погибли в результате искусственно организованного советской властью голода. Голод явился следствием насильственного перевода кочевых казахов к оседлости и полной конфискации всего домашнего скота. Тем самым людей лишили единственного источника существования. Выдающийся историк XX века Роберт Конквест в своем известном труде «Жатва скорби» политику коллективизации и последовавшие за ней уничтожение людей, подавление сопротивления, вынужденные откочевки казахов за рубеж назвал «колоссальной человеческой трагедией казахов».

Масштабы трагедии были столь чудовищны, что мы с полной моральной ответственностью можем обозначить ее как проявление политики геноцида.

Такая констатация вытекает из строгих норм международного права, зафиксированных в Международной конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказаний за него».

Так, в марте 2010 года Парламентская ассамблея Совета Европы приняла документ «В память жертв Страшного Голода».

(Голодомор) в бывшем СССР», в котором призвала всех историков и юристов Европы провести совместное независимое, объективное и лишенное политической подоплеки исследование для того, чтобы полностью установить факты этой человеческой трагедии и оценить их с точки зрения действующего международного права.

Комитет по правовым вопросам и правам человека, отмечается в документе, осуждает политику советского режима в 1932–1933 годах и оценивает ее, как преступление против человечества, нацеленное на физическое уничтожение крестьян в Украине и других областях, населенных этническими украинцами, а также в Казахстане и других частях прежнего Советского Союза.

В результате голода эта политика привела к миллионам смертей. В процентном соотношении, пишется в документе, в Казахстане, чье население в основном традиционно вело кочевой образ жизни и оказывало сопротивление принудительной коллективизации, погибших намного больше, чем в советской Украине. Классификация Голодомора в Украине и Великого голода в Казахстане официально признана геноцидом многими государствами, включая США, Канаду, Австралию, большинством стран Латинской Америки и Восточной Европы.

Данная проблема и сегодня будоражит умы и совесть казахстанцев. До сих пор не все материалы изучены, например, отдельные монографии историков России, Украины. За прошедший период было найдено множество новых данных, в том числе хранящихся и в зарубежных архивах, введенных в оборот благодаря государственной программе «Мәдени мұра». Опубликована мемуарная литература крупных политических деятелей Д. Кунаева, К. Черненко и других, которая позволяет дополнить найденный материал.

Имеются фундаментальные труды западных ученых, ранее практически не затрагиваемые казахстанскими исследователями. Так, например, кроме известного нам ученого-историка Р. Конквеста, проблему Голодомора изучали И.Огайон, М. Олкотт, Н. Верт, Н. Неймарк, Р. Дэвис, С. Уиткрофт и другие. К слову, в готовящейся к изданию коллективной монографии ученых Института истории государства, посвященной коллективизации и голоду, мы попытались осветить западную историографию по данной проблеме, что, на наш взгляд, придаст ей дополнительную научную значимость.

Научное осмысление и анализ прошлой трагической истории важны и необходимы нынешним и последующим поколениям казахстанцев для извлечения уроков из негативных последствий волюнтаристского социального эксперимента, приведшего к гибели огромного числа людей. Это была величайшая гуманитарная катастрофа казахского народа. Огромные жертвы, положенные на алтарь строительства «социалистического рая», оказались напрасными и не подлежат никакому историческому оправданию.

Материал предоставлен **Институтом истории государства КН МОН РК.**